

Республике Беларусь цифровой нормотворческий процесс может быть реализован посредством создания и внедрения в практическую деятельность АИС «Нормотворчество», что станет очередным значимым шагом в направлении формирования электронного государства.

Список использованных источников

1. Шаршун, В.А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 88 – 94.
2. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» // Право.by. – 2018. – № 6. – С. 46 – 52.
3. Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов»: постановление Правительства Москвы, 25 сентября 2019 г., № 1239-ПП // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561311473>. – Дата доступа: 30 октября 2022 г.
4. Работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество») // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. – Режим доступа: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008622000017&utm_source=pocket_mylist. – Дата доступа: 30 октября 2022 г.
5. Василевич, Г.А. Развитие электронной демократии как средство обеспечения устойчивого развития общества // Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях : материалы круглого стола, Минск, 30 марта 2021 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 20-26.
6. Шаршун В.А. Публичное обсуждение проектов правовых актов как форма участия граждан в нормотворческом процессе // Право.by. – 2021. – № 5. – С. 141-148.

Шахновская Ирина Викторовна

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зав.кафедрой конституционного права и государственного управления
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,

к.ю.н.

i.shakhnovskaya@psu.by

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена расширением круга правовых отношений, субъектом которых становится цифровая личность. Вместе с тем, в рамках конституционно-правовой науки концепция цифровой личности не нашла своего содержания в проводимых научных исследованиях. Теоретическая ценность исследования определяется предложением авторского

видения имеющихся концепций в правовой науке относительно определения понятия «цифровая личность».

Ключевые слова: личность, цифровая личность, цифровизация человека, персональные данные, цифровые отпечатки.

Цифровая личность становится в современный период предметом исследования ряда наук: интернет-лингвистика, лингвистика, социология, психология, право и др.

Так, в основе исследований интернет-лингвистов лежит гипотеза о том, что феномен цифровой личности обусловлен лишь моментом интернет-общения [4, с. 28]. Если в общем, то цифровая личность выступает субъектом коммуникации в интернет-пространстве, на основании чего обладает рядом характерных признаков: мгновенный характер реагирования, свобода входа и выхода из интернет-коммуникации, неограниченное количество целевых адресатов (например, в случае оставления комментария и т.д.). При этом ограничения для цифровой личности как субъекта коммуникации в интернет-пространстве продиктованы техническими возможностями Интернета.

В области психологии проводится ряд исследований, формирующие новый категориальный аппарат. В частности, Г.В. Солдатова указывает на формирование новой демографической группы - «цифровое поколение», которая до настоящего момента остается мало изученной [12]. Автор отмечает также, что появляется новый аспект социализации личности – «цифровая социализация», представляющая собой процесс усвоения норм и правил социальной реальности, формируемых на основе имеющихся он-лайн-контекстов. При этом полученные знания и навыки в последующем используются в он-лайн и оф-лайн пространстве. Исходя из данного подхода цифровая личность выступает как элемент реальной (физической) личности [12].

Говоря о концепте цифровой личности в праве следует вести речь о «цифровизации человека».

Согласно первой концепции цифровая личность представляет собой «цифрового двойника» реальной (физической) личности, осуществляющая деятельность и являющаяся участником правоотношений в социальных сетях. К примеру, при таком подходе цифровая личность проявляет себя через создание профиля в социальных сетях. Так, Е.А. Либова отмечает, что цифровая личность представляет собой установленные возможности для физического человека использовать информационно-коммуникативные технологии для реализации своих прав и свобод в виртуальной среде [3, с. 110]. По мнению автора, цифровая личность полностью подконтрольна «физической» личности и может реализовать свои права и свободы после он-

лайн идентификации. Занимая такую позицию, необходимо придерживаться понимания относительно того, что вопрос обеспечения защиты прав цифровой личности будет основан на фундаментальных правах человека в виртуальной среде. Здесь не требуется разработки отдельной концепции прав цифровой личности, а следует лишь пересмотреть имеющиеся формы защиты прав человека.

Данная концепция имеет правовое регулирование как на международном уровне, так и на уровне ряда национальных государств. В частности, в Резолюции Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» установлен принцип равной защиты прав человека в оф-лайн и он-лайн среде [11].

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» устанавливает особенности обеспечения и защиты неприкосновенности личной жизни в цифровую эпоху [9].

Законодательство Республики Беларусь в области реализации и защиты прав цифровой личности как цифрового двойника физического лица содержит в большей степени нормы охранительного права, обеспечивающие защиту прав человека в сети Интернет. Об этом свидетельствуют положения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Республики Беларусь. В то же время отсутствие норм регулятивного характера данной группы правоотношений может привести к возможному нивелированию отдельных прав и свобод в цифровой среде, может служить препятствием для складывания должной правоприменительной практики.

В связи с этим заслуженный юрист Российской Федерации С.М.Шахрай справедливо отмечает, что перед формированием феномена цифровой личности в конституционном праве первичным должно стать создание «цифровой конституции», которая не будет представлять собой какой-то виртуальный документ, написанный на языке программирования, а должна стать основным законом, отражающим правовое регулирование нового социального порядка – киберпространства [15, с. 1077].

Следующей концепцией формирования цифровой личности является ее становление через цифровые отпечатки. Цифровые отпечатки – это определенные наборы обезличенной информации, которые в своей совокупности могут превратиться в персональные данные. Особую роль в данном процессе занимают профайлы Cookies. Стоит отметить, что во Франции сформировалась судебная практика Государственного Совета, согласно которой Cookies признаны способом обработки персональных данных, в связи с

чем принято решение о необходимости получения обязательного согласия от пользователя о принятии Cookies [14, с. 165].

По мнению А.С. Осановой концепт «цифровой личности» формируется на основании совокупности «цифровых следов», которые могут быть классифицированы на активные и пассивные [8, с. 393].

Некоторые подходы основаны на том, что цифровая личность представляет собой определенный набор данных, позволяющих иметь представление о том, каким образом и с какого адреса осуществляется выход в Интернет. Такая позиция устанавливает определенные характеристики цифровой личности: IP-адрес, личная информация, логин, цифровая подпись и метаданные. К примеру, английский исследователь Даниэль Солоу выработал подход, согласно которому под цифровой личностью следует понимать персональную информацию и данные о человеке, состоящие из переведенных в цифровую форму записей, элементов и фрагментов информации [1, с. 78].

В числе передовых стран в области правовой регламентации цифровой личности находится Французская Республика. Именно там, еще в 2000 г. была попытка принять Декларацию прав цифрового человека. Кроме того, французским законодателем принят Закон о цифровой республике, где в значительной мере достаточно прогрессивными можно считать ряд норм в области обеспечения прав цифровой личности. В частности, принцип индивидуального управления своими данными, реализация «права на цифровую смерть», в рамках которого физическое лицо решает вопрос о распоряжении своими персональными данными после смерти.

Последняя концепция основана на понимании цифровой личности через деятельность роботов как субъектов общественных отношений. Отметим, что на уровне европейского законодательства была предпринята попытка понимать умных роботов как цифровую личность. В частности, 16 февраля 2017 года Европарламентом была одобрена резолюция для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике относительно создания статуса электронной личности для сложных роботов, принимающих самостоятельные решения [10].

В 2019 году по инициативе Стивен Талера изобретатель обратился за выдачей патентов искусственному интеллекту в нескольких юрисдикциях, указав, что искусственный интеллект является одним из создателей контейнера для хранения еды и сигнального маячка. Отметим, что США и Евросоюзом было принято решение об отказе, а ЮАР зарегистрировала данный патент.

На уровне отдельных государств принимаются нормативные правовые акты в области развития искусственного интеллекта. В частности, Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 г. № 490, План развития искусственного

интеллекта в Китайской Народной Республике, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта во Франции и др. Вместе с тем, в этих документах искусственный интеллект не наделяется статусом цифровой личности, а понимается как технические решения либо стандарты деятельности в определенной сфере. В Республике Беларусь отсутствует программный документ в сфере регулирования искусственного интеллекта, однако имеются нормативные правовые акты, предполагающие его использование в различных сферах. В частности, Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8 предусматривает развитие искусственного интеллекта как перспективного направления деятельности Парка высоких технологий [6].

Следовательно, последнюю концепцию формирования цифровой личности следует считать концепцией будущего, для становления которой право должно иметь новое содержание, закрепляющее принципы регулирования отношений в области искусственного интеллекта, а также установить факт признания последнего в качестве субъектов правовых отношений.

Отметим, что схожие с «цифровой личностью» термины нашли свое правовое регулирование в отдельных странах. К примеру, в Российской Федерации нормативно регламентировано понятие «цифрового профиля».

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» от 3 июня 2019 года № 710 определен порядок реализации концепции цифрового профилирования в порядке правового эксперимента с 1 июля 2019 года по 31 декабря 2022 года [5]. Согласно ч. 3 данного Постановления под цифровым профилем понимается совокупность сведений о гражданине Российской Федерации, иностранном гражданине, лице без гражданства, обмен которыми осуществляется между государственными органами и органами местного самоуправления с использованием реализованных запросов в рамках единой системы межведомственного электронного взаимодействия [5]. Цифровой профиль стал предметом исследования таких ученых, как А.К. Жарова, Т.А. Полякова, Е.В. Виноградова, А.В. Минбалеев и др. Общая позиция ученых основана на том, что цифровой профиль – это определенная система, которая работает с анализом данных физических лиц, находящихся в различных государственных информационных системах, при соблюдении ряда условий [2, с. 58]. Следовательно, «цифровой профиль» представляет собой набор данных о лице, а «цифровая личность» понимается как определенный набор личных и персональных данных, позволяющих осуществлять взаимодействие в цифровой

среде. В данном случае «цифровое профилирование» следует рассматривать как элемент работы электронного правительства (e-government).

Список использованных источников

1. Daniel J. Solove, *The Digital Person Technology and Privacy in the Information Age*. - NYU Press. – 2004. – 283 с.
2. Жарова, А. К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А. К. Жарова // Юрист. – 2020. – № 3. – С. 55–61.
3. Либова, Е.А. О переходе к цифровой личности / Е.А. Либова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т.. Том. – Тамбов: Издательство: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 110-112.
4. Лутовинова, О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / О.В. Лутовинова. - Волгоград, 2013. - 42 с.
5. О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации, 3 июня 2019 года № 710: в ред. Постановления от 17 августа 2021 года № 1361 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/554802575>. – Дата доступа: 18.11.2022.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г. № 8: в ред. Декрета от 18 марта 2021 г. № 1 //
7. О цифровой республике [Электронный ресурс]: Закон Французской Республики, 07.10.2016 № 2016-1321 // Всемирная организация интеллектуальной собственности / WIPO lex. – Режим доступа: https://www.wipo.int/news/ru/wipolex/2016/article_0014.html. – Дата доступа: 18.11.2022.
8. Осанова, А.С. О проблемах обеспечения безопасности цифровой личности / А.С. Осанова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 томах. Том 2; Под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. Красноярск, 2021. – С. 393-395.
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/167>. – Дата доступа: 18.11.2022.
10. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года. В резолюции приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике (2015/2013(INL)) [Электронный ресурс] // Robotrends. – Режим доступа: https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RoboTrendsru.pdf. – Дата доступа: 18.11.2022.
11. Резолюция Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/20/8>. – Дата доступа: 18.11.2022.
12. Солдатова, Г.В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» [Электронный ресурс] / Г.В. Солдатова // Психологическая газета. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/9511/>. – Дата доступа: 18.11.2022.
13. Суд в Великобритании отказался признать ИИ автором изобретения [Электронный ресурс] // Журнал. – Режим доступа: <https://onlinepatent.ru/journal/dabus-avtor-izobreteniya/>. – Дата доступа: 18.11.2022.

14. Талапина, Э.В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы / Э.В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. - №4. – С. 164-184.
15. Шахрай, С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С.М.Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – №12. – С. 1075-1082.

Шупицкая Оксана Николаевна
**НОВЕЛЛЫ БЕЛОРУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ
ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент,
oshupitskaya@ mail.ru

Аннотация. Статья анализирует изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь через призму публичных и частных интересов. Среди указанных изменений – новации, затронувшие систему законодательства, общество, государственные органы. Автором делается вывод о том, что данной реформой законодатель стремился обеспечить как публичный, так и частный интерес, устанавливая их баланс.

Ключевые слова: Конституция; новации; публичный интерес; частный интерес.

Нормы права, содержащиеся в источниках права, представляя собой модели поведения общеобязательного характера, могут рассматриваться как выражение юридического опыта законодателя и правоприменителя, обобщающие практику жизни людей и их групп. Этот опыт всегда представляет собой синтез публичных и частных интересов, выражающихся в правовых явлениях, в том числе, и юридической практике. 27 февраля 2022 года на республиканском референдуме были приняты изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (в редакции республиканских референдумов 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года) – Основного закона белорусского государства (об этом подробнее автор писал в своих статьях ранее – [1], [2]). Новации коснулись конституционных норм многих разделов и, как представляется, отразили тенденции современного белорусского государства, связанные с выражением и обеспечением публичных и частных интересов.

Одна из тенденций, прослеживаемых в изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию Республики Беларусь, регулиующую «главные стороны государственной и общественной жизни» [3, с. 17], – это усиление ее идеологической роли, воспитательного значения. В русле этой тенденции преамбула Основного закона дополнена указанием на значимость для белорусского народа «сохранения его национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций»; норма, которой дополнена